

*А.П. Черных, к.и.н., в.н.с.
ИВИ РАН*

Несостоявшееся геральдическое законодательство 1760 года

Французский Эдикт 1696 г. наделял гербами всех, независимо от социального положения. Спустя век законодательство Французской революции объявило гербы признаком принадлежности к привилегированным сословиям. Любопытный документ – Ордонанс Людовика XV от 29 июля 1760 г. – в 25 статьях излагает видение геральдической практики королевской властью.

Ордонанс состоит из преамбулы с декларацией его целей: «убрать нестроение и возратить знатности её древнее сияние, оставляя в её полном владении самые прекрасные знаки чести, которые она сохранила с незапамятных времён» и учредить Трибунал Маршалов Франции, ведающий вопросами знатности и гербов (*Ordonnance concernant les Armoiries. Du 29 Juillet 1760. De par le Roi. P. 1–4*).

Помимо создания общего регистра гербов (Ст. I–II), корона желает иметь точное исчисление всей французской знати, для чего в течение шести месяцев надо представить сведения с указанием, обретена знатность до или после 1700 г. (Ст. IV). Однако за право обладания гербом следует заплатить (Ст. V). Разделение знати на категории (Ст. VI–VIII) не могло вызвать одобрения должностной и наградной знати, поскольку перерегистрация превращалась в явное новое доказательство прав. За уклонение грозил штраф 1000 ливров (Ст. XIII) и ограничения на принятие в ордены, капитулы и на придворную службу (Ст. XV). Отдельные санкции предусматривались в отношении гербов незнатных: запрет иметь гербы со шлемом, наметом и шлемовыми эмблемами, штрафы от 3 до 6 тыс. ливров (Ст. XVI–XVII).

Неблагородным, не связанным с военной, придворной или государственной службой, по сути, запрещалось иметь гербы (Ст. XIX–XX). Список исключал мелких буржуа, торговцев, ремесленников, кто до сего времени могли носить гербы, и оставлял геральдическую правоспособность только за привилегированными. Горожане

Парижа, несмотря на привилегию, под угрозой штрафа в 2 тыс. ливров всё равно должны были платить (Ст. XVIII). Нарушители, а в их число попадали все, кто не перерегистрировал и не оплатил, рассматривались по старинной норме узурпации гербов (Ст. XXIII).

Далее следует презабавнейший с точки зрения геральдики запрет всей знати менять что-либо в эмалях, делениях и фигурах гербов (Ст. XXIV), как будто гербы принадлежат не родам, а королю. Исключения допускались для бракосочетаний и частных обстоятельств – и то по разрешению гербового судьи.

Завершается ордонанс списком цен за регистрацию гербов, как и Эдикт 1696 г. (*Ordonnance... Op. cit. P. 15–16*).

Реакция общества не заставила себя ждать. Парламент Парижа постановлением от 22 августа 1760 г. запретил исполнение Ордонанса. Члены Высшего податного Суда 7 сентября подали королю Представление за подписью Ламуаньона, в котором они расценили Ордонанс как желание подвергнуть новой плате «знатных, и всех, кто имеют право носить гербы». Старая знать увидела, что её хотят заставить платить за её права по рождению; аноблированные за службу и по должности возмутились тем, что их приравнивали к тем, «кто обрели знатность за деньги»; буржуа Парижа усмотрели покушение на их право носить гербы (Ст. XVIII) (*Remontrances de 1760 au sujet de l'Ordonnance concernant les Armoiries // Mémoires pour servir à l'histoire du droit public de la France en matière d'impôts, ou Recueil de ce qui s'est passé de plus intéressant à la Cour des Aides depuis 1756 jusqu'au mois de juin 1775... Par Auger. Bruxelles [i.e. Paris], 1779. Ch. VIII. P. 78*).

«Прейскурант» на право ношения гербов (Ст. XIV) был справедливо истолкован как «повышение сумм, уже истребованных под различными наименованиями», а весь Ордонанс – как «необлечённый печатью легитимности». Представители Высшего податного Суда нашли путаницу в юрисдикциях, усмотрели в попытке учредить новый Трибунал покушение на прерогативы существующих Судов, обнаружили противоречия в статьях Ордонанса (*Remontrances... Op. cit. P. 79–80*).

Ордонанс гласил, что регистрация гербов ни в коем случае не может быть принимаема доказательством знатности (Ст. XVI), а Представление напомнило короне, что такого никогда и не было, и знатность доказывается другими вещами; «знатность даёт право носить гербы, а не право гербов даёт знатность» (*Remontrances... Op. cit. P. 81, 83*).

Р. Матьё полагал, что Ордонанс не имел фискальных притязаний (*Mathieu R. Le système héraldique. Paris, 1946. P. 89*), но ещё Представление в отношении Ст. XIV, XV, XVIII пронизательно замечало,

что «под вуалью реформирования гербов это настоящее обложение», что «всякая насильная контрибуция есть налогообложение» (Remontrances... Op. cit. P. 84). Представление охарактеризовало документ как «проектируемый химерическим воображением финансов» и потребовало «уничтожения Ордонанса сколь обременительного по своим положениям, столь же неправильного по своей форме» (Remontrances... Op. cit. P. 85–86).

Искушённый в юридических аспектах геральдики Р. Матъё искренне недоумевал по поводу этого оставшегося на бумаге проекта закона. Действительно, Ордонанс требовал сдать заверенные подтверждения имён, титулов и гербов, что создавало ситуацию очередной поверки. Собственно, в переучёте знати нет ничего нового – практика контрольных визитаций известна с XV в. (*Mathieu R.* Op. cit. P. 87–88), но предполагаемое разделение знати нивелировало социальные усилия многих. Это выглядело тем более неприятно, что тут же выделялись привилегированные небогатые, избавленные от проблем и имеющие право носить герб.

Статьи Ордонанса, пронизанного сословным духом, лишь формально перекликались со статьями Эдикта 1696 г. Ордонанс признавал право иметь гербы только за благородными и малым количеством привилегированных ротюрье, что было слишком радикальной переменной в геральдическом праве, явно несправедливой и невозможной в применении. Потомки тех, кто зарегистрировали гербы в 1696 г., должны были вновь платить за те же самые гербы, а многим и 60 лет назад они были не нужны. Примечательно, что Парижский парламент, отвергая Ордонанс, ссылаясь на старинное геральдическое равенство и, запретив исполнение одного, сохранил таким образом *status quo* (*Mathieu R.* Op. cit. P. 89).

Предлагаемый королём геральдический порядок был эфемерным – это не более чем проект, королевская грёза о том, какой должна быть геральдика, и как она должна быть регулируема. Но возможное влияние Ордонанса на революционный радикализм в отношении гербов можно допустить, поскольку похоже на то, что репрессивное законодательство Французской революции оказалось своего рода зеркальным отражением Ордонанса, с той лишь разницей, что тем и где (здания, строения, могилы, часовни, витражи и литры церквей, повозки, печати, посуда и прочее) это разрешалось Ордонансом – стало запрещено. Удивительным образом за тридцать лет сознание общества поменялось на диаметрально противоположное (*Митрофанов А.А.* Уничтожение геральдики в период Французской революции (1789-1794) // *Signum* / Центр гербоведческих и генеалогических исследований ИВИ РАН. Отв. ред. А.П. Черных. Вып. 9. М.: ИВИ РАН, 2016. С. 177-196).